

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX ВЕКА (1917-1956)

Литература XX века
МОУ ИРМО «Оёкская СОШ»
Учитель: Самотис Мария Михайловна

2013 год

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

АННА АХМАТОВА

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917 год

И.А.БУНИН (1870-1953)

«...Я плакал слезами и лютого горя, и
какого-то болезненного восторга,
оставив за собой и Россию, и всю
свою прежнюю жизнь...вырвавшись
из этого разливанного моря
страшных, несчастных, потерявших
всякий образ человеческий, буйно и
с какой-то надрывной страстью
орущих дикарей...»

Максим Горький (Алексей Максимович Пешков) (1868-1936)

Горький говорит в
«Несвоевременных мыслях»:
революция станет тем деянием,
благодаря которому народ
примет «сознательное участие в
творчестве своей истории»,
обретёт «чувство родины»,
революция должна «возродить
духовность» в народе. Но
вскоре после октябрьского
переворота (в статье от 7
декабря 1917 года), уже
предчувствуя иной, чем он
предполагал, ход революции,
Горький с тревогой вопрошает:
«Что же нового даст революция,
как изменит она звериный
русский быт, много ли света
вносит она во тьму народной
жизни?»

Главная цель революции, по мнению Горького, **нравственная** -превратить в личность вчерашнего раба. А в действительности, как с горечью констатирует автор **«Несвоевременных мыслей»**, октябрьский переворот не только не принёс «в себе признаков духовного возрождения человека», но, напротив, спровоцировал «выброс» самых тёмных, самых низменных - **зоологических** инстинктов.

Революция бесплодна, если она не займётся культурным строительством, предупреждает автор:

- он протестует против «грязной» литературы, «особенно вредной именно теперь, когда в людях возбуждены все тёмные инстинкты»;
- выступает против решения Совета народных депутатов по вопросу отправки на фронт артистов, художников, музыкантов, потому что страшится: «с чем мы будем жить, израсходовав свой лучший мозг?»
- сетует по поводу исчезновения с книжного рынка «хорошей честной книги», а «книга - лучшее орудие просвещения»;
- протестует против ареста и т.д.

Пильняк (Вогау) Борис Андреевич (1894-1938)

В 1926 в журнале «Новый мир» была опубликована **«Повесть непогашенной луны»**, вызвавшая крупный скандал. Номер был конфискован, главному редактору Воронскому и автору пришлось напечатать свои покаянные письма.

В повести Пильняк показал смерть красного командарма (в его образе угадывался герой Гражданской войны, талантливый военачальник М. В. Фрунзе) как едва ли не умышленное убийство, содеянное по приказу сверху. Фрунзе считался одним из главных претендентов на пост генсека компартии и был серьезным соперником постепенно узурпировавшего власть Сталина. Писатель оказался точным социальным диагностом: здесь, по сути, впервые был изображен будущий механизм уничтожения «соратников», выявлена опасность партийного «единомыслия» и безропотного исполнительства.

Исаак Эммануилович Бабель

(1894-1940)

- Склонный к метафорическому мышлению, уверенный в том, что стиль держится «сцеплением отдельных частиц», Бабель написал в одном из рассказов: «И мы услышали великое безмолвие рубки». Он сознательно пренебрег привычными представлениями, где рубка не могла быть великой, пренебрег и реальностью, где рубка могла только казаться безмолвной. Родившийся художественный образ был метафорой революции в «Конармии». Обогатившись опытом реальной жизни, действительно увидев в революции не только силу, но и «слезы и кровь», Бабель в рассказах отвечал на вопрос, который в дни польского похода записал в своем дневнике: «Что такое наш казак?» Находя в казаке и «барахольство», и «революционность», и «звериную жестокость», Бабель в «Конармии» все переплавил в одном тигле, и казаки предстали как художественные характеры с нерасторжимостью их внутренне сплетенных противоречивых свойств. Доминантой стало изображение персонажей конармейцев изнутри, с помощью их собственных голосов. Писателя интересовало их самосознание. В такой сказовой стилистике были написаны новеллы «Соль», «Измена», «Жизнеописание Павличенки, Матвея Родионовича», «Письмо» и др.

- Много новелл было написано от имени интеллигентного рассказчика Лютова. Его одиночество, его отчужденность, его содрогающееся при виде жестокости сердце, его стремление слиться с массой, которая грубее, чем он, но и победительнее, его любопытство, его внешний вид — все это биографически напоминало Бабеля 1920 года. Дуэт голосов — автора и Лютова — организован так, что читатель всегда чувствует призывк непосредственного голоса реального автора. Исповедальная интонация в высказывании от первого лица усиливает иллюзию интимности, способствует отождествлению рассказчика с автором. И уже непонятно, кто же — Лютов или Бабель — говорит о себе: «Я изнемог и согребенный под могильной кроной пошел вперед, вымаливая у судьбы простейшее из умений — умение убить человека».
- Бабель сочувствует Лютову, как может сочувствовать человек себе прежнему. Однако к своему романтизму Бабель уже относится отчужденно-иронически. Это и создает дистанцию между Лютовым и автором. Дистанция существует и между Лютовым и конармейцами. Благодаря освещению в разных зеркалах — зеркале самовыражения, самопознания, в зеркале другого сознания — характеры конармейцев и Лютова приобретают объем больший, чем если бы каждый из них находился только наедине со своим «я». Становится ясным, что истоки поведения конармейцев лежат в сфере бытовой, физиологической, социально-исторической, в опыте многовековой истории и в ситуации войны и революции.

ЗАБОЛОЦКИЙ Николай Алексеевич (1903-58)

Я не ищу гармонии в природе.
Разумной соразмерности начал
Ни в недрах скал, ни в ясном небосводе
Я до сих пор, увы, не различал.
Как своенравен мир ее дремучий!
В ожесточенном пении ветров
Не слышит сердце правильных созвучий,
Душа не чует стройных голосов.
Но в тихий час осеннего заката,
Когда умолкнет ветер вдалеке.
Когда, сияньем немощным объята,
Слепая ночь опустится к реке,
Когда, устав от буйного движенья,
От бесполезно тяжкого труда,
В тревожном полусне изнеможенья
Затихнет потемневшая вода,
Когда огромный мир противоречий

Насытится бесплодную игрой,--
Как бы прообраз боли человеческой
Из бездны вод встает передо мной.
И в этот час печальная природа
Лежит вокруг, вздыхая тяжело,
И не мила ей дикая свобода,
Где от добра неотделимо зло.
И снится ей блестящий вал турбины,
И мерный звук разумного труда,
И пенье труб, и зарево плотины,
И налитые током провода.
Так, засыпая на своей кровати,
Безумная, но любящая мать
Таит в себе высокий мир дитяти,
Чтоб вместе с сыном солнце увидеть.

1947

Разрушение стереотипов (Возвращение забытых имен)

**Среди писателей, которые
оказали существенное
влияние на наши
представления о
советской литературе,
кроме Михаила
Булгакова, Всеволода
Иванова, Бориса
Пильняка, следует
назвать и,
возвратившегося не так
давно Андрея Платонова,
с его "Чевенгуром",
"Котлованом",
"Ювенильным морем"**

*Я о тебе как о своем тужу
И каждому завидую, кто плачет.*

А. Ахматова

«Котлован» А. Платонова — книга-пророчество

- «Котлован» - это произведение — страшный, мрачный гротеск, вызванный осознанием абсурдности общественного бытия.
- Все — «ничто», а значит, все можно и ничего нельзя. Нет ценностей, нет ориентиров. Жизнь, вывернутая наизнанку, — это смерть.
- Стремление сделать человека центром мироздания обезличивает окружающий его мир.
- С одной стороны, котлован — это миф о язычестве, где присутствует обычай: самый первый камень в строящемся доме нужно полить кровью жертвы.
- С другой стороны, это яма, в которую бросили все доброе, хорошее, светлое, что было в России до 1917 года, и затапывают в грязь.
- Также котлован ассоциируется с братской могилой, которую строители Дома копают себе и другим.

Жизнь человеческая ни в грош не
ценится!"

- это я еще тогда всем сердцем
понял и из сердца спросил
себя: "Какая жестокая
рука написала этот закон и какое
"мраморное" сердце исполняет
этот закон?

А.М.Ремизов

A sepia-toned photograph of a stone archway leading into a dark tunnel. The arch is on the left, and the tunnel is dark and recedes into the distance. To the right of the arch, on the wall, is a mural of a bridge with a railing, spanning a body of water with some reeds or grasses. The text "Спасибо за внимание!" is overlaid in the center of the image.

Спасибо за внимание!